

ЖИЗНЬ — ИСКУССТВО — ЖИЗНЬ

Корифей одесской школы
Публикация Марины ВЕРХОВЕЦКОЙ 251

Марина ВЕРХОВЕЦКАЯ
Будь прост, как ветер, неистошим, как море . . 258

Елена КОЛТУНОВА
Когда умолкнул звук трамваев 261

Корифей одесской школы

Одесские художники всегда поддерживали тесные дружеские связи с крупнейшими художественными объединениями Москвы и Петербурга. Участвовали в их выставках, а также совместно с ними выступали на международных площадках в Риме, Венеции, Вене. Они с удовольствием принимали участие также и в отечественных акциях. Так, киевский журнал "В мире искусств", организованный А. Филипповым в 1907 г., проводил ряд художественных выставок в Киеве, Одессе, Харькове, Вене, где объединял художников новейших течений. На его страницах в № 1 за 1910 г. П. Нилус и поместил свою статью о знаменитом одесском мастере К.К. Костанди к 25-летию юбилею педагогической деятельности академика живописи К.К. Костанди в Одесской рисовальной школе.

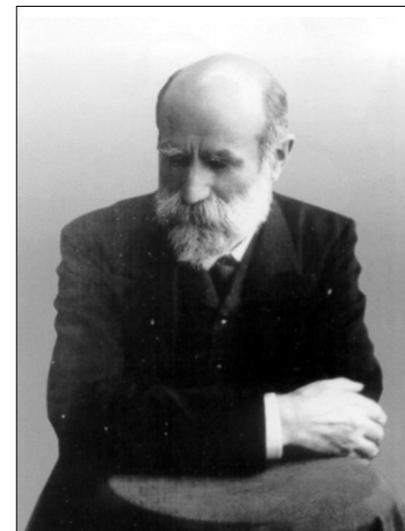
Статья публикуется впервые.

Марина ВЕРХОВЕЦКАЯ

К. К. Костанди.

Сердце поэта — безданный самоцвет велик, или малъ онъ, его суть одна и та же — онъ прекрасенъ и вѣченъ и сияетъ неподдѣльнымъ свѣтомъ.

К. К. Костанди — несомненно одинъ изъ людей, обладающихъ талантомъ самоцвѣтнымъ, вмѣстѣ съ прекраснымъ солнцемъ умѣреннаго юга, впитавшимъ въ себя красоту нашего побережья, и врядь-ли я ошибусь, если скажу, что благодаря таланту К. К., мы поняли прелесть пейзажа нашихъ окрестностей. Онъ намъ открылъ весеннія сумерки, горячіе дни лѣта, золотистые закаты осени — необыкновенной, трогательной, наивной красоты, о которой мы до К. К. и не подозревали...



Самоцвѣтовъ въ природѣ немного, а истинный художникъ, пѣвецъ несетъ въ міръ сокровища своей души — все новые и новые самоцвѣты, на землѣ созидаются все новыя и новыя сокровища мысли, чувства — самое драгоценное, что есть въ мірѣ. Но художники оригинальные страшно рѣдки, — и какъ же намъ не радоваться сегодняшнему празднику, какъ не торжествовать нашему городу, когда съ нами

жить истинно-прекрасный художник, который открыл нам глаза, научил понимать красоту нашей природы, бѣдной, но изящной, не бросающейся въ глаза картинными красотами шаблонных панорамъ, но богатой своей простотой!..

Чрезвычайно рѣдко бываетъ, чтобы съ талантомъ сочетались и высокія душевныя качества. Воспримчивая душа художника такъ чувствительна, такъ легко доступна зависти, ненависти, гордынѣ. Жизнь уберегла К. К. отъ своей накипи, тлетворнаго прикосновения. Здоровый умъ, здоровое тѣло воспротивились яду мелкой, суетливой жизни, порабащающему душу. Среди нашей лицемѣрной жизни онъ остался жить, какъ волна Чернаго моря, на берегу котораго онъ родился и впиталъ въ себя его живое дыханіе.

Когда говорятъ о К. К., то даже у людей мало знающихъ его появляется отъѣнокъ уваженія къ особой исключительности его личности. Такъ говорятъ о людяхъ высокаго образа жизни, мудрецахъ, отшельникахъ, пренебрегшихъ житейскими благами во имя высокаго. К. К. — наша художественная совѣсть, его вліяніе въ мѣстномъ товариществѣ художниковъ благотворно, жизненно, и, мнѣ кажется, въ нашей средѣ нѣтъ художника, который бы такъ или иначе не считался съ его мнѣніемъ; оканчивая картину, каждый изъ насъ непременно подумаетъ о томъ, что скажетъ К. К., когда увидитъ его произведеніе: осудитъ или одобритъ?.. К. К. прекрасный примѣръ того, какъ нужно относиться къ жизни: среди невзгодъ и оскорбительно-мѣщанской жизни онъ спокойно идетъ своимъ многотруднымъ путемъ, отдавая себя людямъ, не мечтая ни о какомъ воздаяніи за свое дѣло, и если ему иной разъ мечтается слава, то не эфемерная слава улицы, а слава старыхъ мастеровъ...

Мы придемъ сегодня въ домъ общества изящныхъ искусствъ и расскажемъ нашему юбиляру, за что мы его любимъ какъ человѣка и какъ художника, и я глубоко убѣжденъ, что на этомъ чествованіи не будетъ сказано ни единого фальшиваго слова юбилейной лжи.

* * *

К. К. Костанди родился въ 1852 г., въ небогатой семьѣ рыбопромышленника, неподалеку отъ Одессы, въ д. Дофиновкѣ на берегу моря, но, какъ это ни странно, не написалъ за всю свою жизнь ни одной морской картины — обща черта большинства одесскихъ художниковъ. Зато тихія, теплыя, весеннія зори, золотые закаты, вечерній звонъ, текущій черезъ заливъ въ Дофиновку изъ Одессы, оставили навсегда слѣдъ въ душѣ будущаго художника, который, лишь много лѣтъ спустя, выявился въ его творчествѣ.

"Что, собственно, послужило толчкомъ къ занятію живописью, опредѣленно

сказать не рѣшаюсь, — сказала однажды К. К., — но думаю, что тѣ лубочныя картинки, которыми любили украшать стѣны мои родители, дали первый толчокъ и возбудили интересъ къ изображеніямъ".

Первые шаги К. К., какъ и многихъ художниковъ, были направлены къ фотографу; это былъ 68-69 г.г. К. К. поступилъ къ Бюлову, тогда извѣстному одесскому фотографу, славившемуся раскрашенными портретами маслянными красками. Въ то же время молодого художника поразили эстампы библии Шпора, и онъ усердно занялся копированіемъ, — но эти занятія не могли дать начинающему художнику, кромѣ извѣстнаго опыта, ничего.

Въ 70 году К. К. началъ посѣщать бесплатныя классы нашего общества изящныхъ искусствъ, а съ 71 года сталъ заправскимъ ученикомъ школы. Тогда преподавали въ нашей школѣ: Юрины, Бауеръ и Мальмонъ — они были учителями не только по званію, холодно, по обязанности, отсидивающими свои часы въ ненавистномъ учебномъ заведеніи, но искренно любили и искусство и своихъ юныхъ учениковъ, и, вѣроятно, отъ нихъ позаимствовалъ К. К. тотъ рѣдкій преподавательскій тактъ и умѣніе деликатно и въ то же время убѣдительно, не оскорбляя, быть и строгимъ учителемъ и другомъ своихъ учениковъ.

Въ 74 году школьные товарищи К. К.-ча уѣхали въ Петербургъ, въ академію художествъ, а онъ, не имѣя средствъ, принужденъ былъ остаться дома.

Случайно приѣхалъ въ Одессу погостить къ своей дочери, О. П. Литри, П. К. Айвазовскій. Молодой художникъ былъ представленъ знаменитому маринисту, который отнесся тепло къ молодому Костанди и устроилъ ему стипендію сперва у греческаго консула И. Ю. Вучины, а впослѣдствіи у его брата Александра Вучины.

Въ 74 году К. К. поступилъ въ петербургскую академію художествъ, гдѣ работалъ подъ вліяніемъ Чистякова, одного изъ лучшихъ профессоровъ академіи и тогда и теперь. Въ академіи К. К. пробылъ съ перерывами 10 лѣтъ и свыкся настолько съ сѣверомъ, что, казалось, въ немъ не осталось и намека на жителя страны солнца: онъ тогда интересовался, подъ вліяніемъ Эрмитажа, гармоніями темныхъ тоновъ.

Первая его картина, появившаяся въ 84 г. на передвижной выставкѣ, "У больного товарища" (галерея Третьякова), сразу обратила на себя вниманіе публики и особенно художниковъ. "Властитель думъ" того времени, П. Н. Крамской, авторъ знаменитыхъ "писемъ", очень хорошо отзывался о новоявленномъ художникѣ. Вторая картина "Свиданіе" (собраніе И. Вульфа), хотя изображала солнечный пейзажъ съ фигурами, сѣверное, холодное, темное солнце, все еще не выражало вполне своеобразнаго взгляда на природу К. К.-ча. Третья картина "Въ люди" (галерея Терещенко) опять была написана въ темныхъ тонахъ. Всѣ эти три произ-

ведения, хотя по тому времени были и значительны, но К. К. никогда, впоследствии, не возвращался к таким сюжетам, не мечтал послѣ холодного, темнаго Петербурга ни о большихъ товарищахъ, ни о крестьянкахъ, отправляющихся "в люди" — всѣ эти мотивы были навѣяны временемъ ортодоксовъ-реалистовъ, "идейныхъ художниковъ", во главѣ съ П. Н. Крамскимъ и Н. А. Ярошенко. К. К. сталъ настоящимъ художникомъ только на родинѣ, когда сталъ изображать близкій его сердцу одесскій Большой Фонтанъ. Петербургскій періодъ имель и благотворное вліяніе на К. К-ча, и можно сказать съ увѣренностью, что, не будь въ Петербургѣ Эрмитажа, обученіе его в академіи прошло бы безслѣдно. Правда, былъ въ то время въ академіи, и понынѣ здравствуетъ, Чистяковъ — удивительно характерная фигура, — но все же и Чистяковъ, влюбленный въ старыхъ мастеровъ, воспитанникъ все того же Эрмитажа, сѣверянинъ, не могъ понять южанина. Въ это время заблесталъ И. Е. Рѣпинъ, который, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на К. К., но не въ смыслѣ позаимствования формы или красокъ, а только въ томъ смыслѣ, что Рѣпинъ того періода былъ непосредственъ, какъ никогда потомъ. Пользовался совѣтами и встрѣчался К. К. со всѣми знаменитыми "передвижниками" 80-хъ годовъ и, вѣроятно, отъ нихъ позаимствовала необыкновенную добросовѣстность, и даже нѣкоторый педантизмъ, на нѣсколько лѣтъ задержавшій развитие К. К., почувствовавшего какой-то страхъ предъ картиной. Но зато, въ это время, К. К. писалъ много этюдовъ, обогащая себя изученіемъ, любовно относясь къ каждой подробности, и въ то же время писалъ и широко, устремляя всю заботу, все вниманіе на т о н ъ, правильность взаимоотношенія пятенъ и, можно сказать, что вряд-ли кто-нибудь изъ русскихъ художниковъ того времени, ксли не считать Н. Д. Кузнецова и И. Е. Рѣпина, такъ понималъ краску, какъ К. К.

Въ 85 году К. К. былъ приглашенъ Н. П. Кондаковымъ въ одесскую рисовальную школу, уже реорганизованную тогда, и съ тѣхъ поръ пробылъ 25 леть ея старшимъ преподавателемъ.

Съ переѣздомъ въ Одессу К. К. скоро вступилъ на настоящую дорогу, нашель себя; темная гамма тоновъ была забыта, и К. К. сталъ настоящимъ южнымъ художникомъ, несравненнымъ колористомъ сумерекъ, яркихъ, солнечныхъ дней, нашей бѣдной природы, небогатой разнообразіемъ формъ, но обладающей несравненной прелестью серебристаго одесскаго солнца. Но до этого періода прошло 13-14 лѣтъ въ экспериментахъ, исканіяхъ себя, и много лѣтъ чувство изысканной скромности и строгости къ своимъ поступкамъ удерживало К. К. отъ искушенія выставокъ. Казалось, на югѣ было забыто увлеченіе темными гармоніями тоновъ, изображение бытовой жизни, чуждой его душѣ. Поселившись въ Одессѣ, К. К. снова вспоминаеть вечерній звонъ, доносящийся изъ дальняго города къ берегамъ родной Дофиновки, нѣжныя лѣтнія сумерки, съ растянувшейся по горизонту тучкой...

Приѣхавъ въ Одессу въ 85 году, съ подготовленными холстами въ темной гаммѣ, К. К. сначала пробуетъ ихъ закончить... но темные холсты скоро отворачиваются къ стѣнкѣ и только много лѣтъ спустя они появляются на выставкахъ. Къ этому времени относится первая заграничная поѣздка К. К-ча. Какъ бы отзвукомъ заграничнаго вліянія появляется картина выздоравливающаго, въ легкихъ тонахъ (галерея Терещенко); но этотъ періодъ былъ очень кратокъ.

Годъ спустя К. К. уже нашель себя, и его двѣ картины, изображающіе гусей, среди пейзажей въ сѣрой и золотистой тональностяхъ, ему удаются удивительно. Съ тѣхъ поръ темные колеры надолго забываются и К. К. пишетъ то легкія сумерки, то фигуры среди пятенъ свѣтотѣни и рефлексовъ, то фигуры "старичковъ" на скамейкѣ Александровскаго парка, еще совсемъ юнаго тогда, съ силуэтомъ города вдаль (собрание Е. К. Петрокино). Въ этотъ періодъ девяностыхъ годовъ К. К. написалъ много этюдовъ большого художественнаго значенія. Не разъ онъ говаривалъ тогда, что работа прямо съ натуры доставляетъ ему полное удовольствіе, и дѣйствительно уголки Большаго Фонтана, сухая пыль дорогъ, нѣжная прелесть акацій, дали съ силуэтами низкорослыхъ деревьевъ, виноградники, горячія пятна солнца, — всѣ эти впечатленія отразились ясно и трогательно въ его этюдахъ, часто похожихъ на оконченныя картины. Они всегда полны искренности, силы, выразительности и благородства.

Среди безчисленныхъ художниковъ нашего безвременья, размножающихся, какъ только размножаются организмы низшей организациі: среди художниковъ новой формациі, новаго холоднаго, трафаретнаго искусства, фигура К. К. выдѣляется необыкновенно ярко, какъ укорь, какъ напоминаніе о забытой вѣрѣ, любви къ природѣ, объ истинномъ отношеніи къ искусству...

Самое значительное, что сдѣлалъ К. К. Костанди, въ чемъ онъ выразился наиболее полно и ярко, относится къ послѣднимъ 10-12 годамъ. "Монахъ" (галерея Руссова) самое типичное произведеніе К. К. Никогда ему не удавалось такъ ярко и глубоко выразить прелесть нашей одесской весны. Теплый, и, въ то-же время, серебрищійся свѣтъ заливаеъ картину. Куполы фонтанскаго монастыря, стѣны, въ легкой полуденной тѣни, дрожащей зелеными и теплыми рефlekсами отъ первой весенней, мягкой, южной, земли. Деревца акацій, еще дремлющихъ въ зимнемъ снѣ, сверкающее небо... По дорогѣ, отъ монастырскихъ воротъ, идетъ старенькій монахъ съ палочкой — все полно мира и радости теплаго весенняго дня — безсмертной радости человѣчества...

Другая замѣчательная картина К. К. появилась лѣтъ шесть тому назадъ, "Сирень", очень популярная въ Одессѣ, благодаря безчисленнымъ копіямъ (находится въ одесскомъ городскомъ музеѣ). Изображаетъ снова уголокъ у б.-фонтанскаго монастыря, но, на этотъ разъ, монастырскіе куполы, стѣны купаються въ предве-

черних тонах розоваго заката. Первый планъ уже въ тѣни, только кое-гдѣ, между цвѣтушихъ кустовъ сирени и желтой акаціи, скользятъ косыя золотыя полосы. Среди сирени, на скамейкѣ, сидитъ, опустивъ голову на руки, молодой монахъ. Весна, радость жизни и темная фигура монаха говорятъ о неоконченной трагедіи, и чьей-то печальной жизни... И кажется, чувствуешь, среди трепетанія красокъ розоваго золота, предвечерняго солнца, мѣдннй, длящійся звукъ колокола, зовущаго къ вечернѣ, молитвѣ, безрадостному блаженству.

* * *

К. К. Костанди, какъ истинный самоцвѣтъ, никому не подражаетъ. Отличительныя качества его живописи: — необыкновенно глубокій, пѣвучій тонъ, умѣнье владѣть рефlekсами; своеобразный языкъ его кисти, отношеніе къ рисунку, свѣтотѣнь, композиція — все говоритъ о настоящемъ, большомъ художникѣ, черпающемъ только изъ своей глубоко одаренной души.

Если стать на точку зрѣнія историка, то нужно думать, что будущій авторъ "Исторіи живописи въ Россіи" отведетъ К. К.-чу почетное мѣсто среди художниковъ "интимистовъ", и долженъ будетъ непременно сказать, что К. К. внесъ въ міръ самостоятельную ноту, живой, бодрый взглядъ на природу. Сказать, что К. К., сказавъ свое слово, опредѣленное и ясное, находится въ періодѣ повторяемости прошлыхъ мотивовъ, какъ это обыкновенно бываетъ къ шестидесяти годамъ жизни, — никакъ нельзя. Наоборотъ, уже въ его "Сирени" прежній его методъ ломается: одна часть картины написана въ его прежнемъ типичномъ родѣ — вторые и первые планы; другая часть — средніе планы — трактуется въ новомъ родѣ: онъ начинаетъ упрощать формы, заботится о болѣе широкихъ пятнахъ. Но наиболѣе ярко проявилось его новое отношеніе къ натурѣ въ его послѣднихъ картинахъ, только тонъ остается прежнимъ, становясь все болѣе увѣренным, звучнымъ и густымъ.

* * *

Остается сказать еще нѣсколько словъ о педагогической дѣятельности К. К. Эта дѣятельность чрезвычайно плодотворна. Теперь, после 25 лѣтъ преподаванія въ одесской школѣ рисованія, оглянувшись на фаланги своихъ учениковъ, К. К. можетъ сказать съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія, что онъ открылъ глаза на міръ красокъ, линий не одному десятку людей, ставшихъ художниками.

Самой замѣчательной чертой К. К. какъ преподавателя, является особое умѣнье дать почувствовать красоту. Онъ для этого не прибѣгаетъ къ утомительно-

му многословію, говорить просто, можетъ быть не всегда ясно, но вы вѣрите ему, а главное угадываете между словъ тайну живописной красоты, которой онъ учитъ, неподдающуюся никакимъ описаніямъ, самодовлѣющую и — увы! — такъ мало понятную большинству людей! Его слова какъ-то особенно поражаютъ воображеніе, отзываются нужнымъ, всегда вѣрнымъ тономъ в томъ невѣдомомъ приѣмникѣ, въ которомъ отражаются рефlekсы живописной красоты.

Вотъ почему такъ любятъ и чтутъ его бывшіе ученики и въ трудную минуту сомнѣній находятъ въ немъ добраго, отзывчиваго товарища, умѣющаго сказать и слово ободренія, и слово осужденія, въ устахъ К. К. звучащее бодрымъ призывомъ къ работѣ, жизни...

П. Нилусъ.

Журнал "Въ міре искусствъ", 1910 г., №№ 1-3.

